

Стихи о Великой Отечественной войне 1941-1945 г.

Горечь потерь и разлук , материнские слезы, радость встречи и побед, месть, ярость, - чувства, которые порождает война.

Проницательные стихи о войне, которая порождает разные чувства - слёзы матерей и детей, горечь от потери близких, от разлук, радость побед и встреч и, конечно же любовь к Родине. Так пусть в нашей жизни будет больше радостных солнечных дней и меньше слез матерей, детей и отцов. Пусть над нашей головой всегда будет мирное небо.

Роберт Рождественский

РЕКВИЕМ (Отрывок)

Помните!
Через века,
 через года, -
помните!
О тех,
кто уже не придёт
 никогда, -
помните!

Не плачьте!
В горле
 сдержите стоны,
горькие стоны.
Памяти
 павших
 будьте
 достойны!

Вечно
достойны!

Хлебом и песней,

Мечтой и стихами,
жизнью
 просторной,
каждой секундой,
каждым дыханьем
будьте
достойны!

Люди!
Покуда сердца
 стучатся, -
помните!
Какою
ценой
завоёвано счастье, -
пожалуйста,
 помните!

Песню свою
 отправляя в полёт, -
помните!
О тех,
кто уже никогда
 не споёт, -
помните!

Детям своим
 расскажите о них,
чтоб
запомнили!
Детям
 детей
расскажите о них,
чтобы тоже
запомнили!
Во все времена
 бессмертной
 Земли

помните!
К мерцающим звёздам
 ведя корабли, -
о погибших
помните!

Встречайте
 трепетную весну,

люди Земли.
Убейте
 войну,
прокляните
войну,
люди Земли!

Мечту пронесите
 через года
и жизнью
наполните!..
Но о тех,
кто уже не придёт
 никогда, -
заклинаю, -
помните!

1962

Андрей Дементьев

В мае 1945 года

Весть о Победе разнеслась мгновенно...

Среди улыбок, радости и слез

Оркестр Академии военной

Ее по шумным улицам пронес.

И мы, мальчишки, ринулись за ним —

Босое войско в одежонке драной.

Плыла труба на солнце, словно нимб,

Над головой седого оркестранта.

Гремел по переулкам марш победный,

И город от волнения обмирал.

И даже Колька, озорник отпетый,

В то утро никого не задира.

Мы шли по улицам,

Родным и бедным,

Как на вокзал,

Чтобы отцов встречать.

И свет скользил по нашим лицам бледным.

И чья-то громко зарыдала мать.

И Колька, друг мой,
Радостно и робко
Проходим улыбался во весь рот,
Не зная,
Что назавтра похоронка
С войны минувшей на отца придет.

Давно уже его на свете нет,
Того русоволосого солдата...
Письмо плутало двадцать с лишним лет,
И все таки дошло до адресата.
Размытые годами как водой
От первой буквы до последней точки,
Метались и подпрыгивали строчки
Перед глазами женщины седой...
И память молчаливая вела
По ниточке надорванной и тонкой,
Она в письме была еще девчонкой,
Еще мечтой и песенкой была...
Он все сейчас в душе разворотил...
Как будто тихий стон ее услышал-
Муж закурил и осторожно вышел
И сын куда-то сразу заспешил...
И вот она с письмом наедине,
Еще в письме он шутит и смеется,
Еще он жив, еще он на войне,
Еще надежда есть-что он вернется...

Игорь Карпов

Уходили мальчики – на плечах шинели,
Уходили мальчики – храбро песни пели,
Отступали мальчики пыльными степями,
Умирала мальчики, где – не знали сами...

Попадали мальчики в страшные бараки,
Догоняли мальчиков лютые собаки.
Убивали мальчиков за побег на месте,

Не продали мальчики совести и чести...

Не хотели мальчики поддаваться страху,
Поднимались мальчики по свистку в атаку.
В черный дым сражений, на броне покатоЙ
Уезжали мальчики – стиснув автоматы.

Повидали мальчики – храбрые солдаты –
Волгу – в сорок первом,
Шпрее – в сорок пятом,
Показали мальчики за четыре года,
Кто такие мальчики нашего народа.

Юлия Друнина

ТЫ ДОЛЖНА!

Побледнев,
Стиснув зубы до хруста,
От родного окопа
Одна
Ты должна оторваться,
И бруствер
Проскочить под обстрелом
Должна.
Ты должна.
Хоть вернешься едва ли,
Хоть "Не смей!"
Повторяет комбат.
Даже танки
(Они же из стали!)
В трех шагах от окопа
Горят.
Ты должна.
Ведь нельзя притворяться
Перед собой,
Что не слышишь в ночи,
Как почти безнадежно

"Сестрица!"
Кто-то там,
Под обстрелом, кричит...

Сергей Орлов

ЕГО ЗАРЫЛИ В ШАР ЗЕМНОЙ...

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля-
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей...

Муса Джалиль

ВАРВАРСТВО

Они с детьми погнали матерей
И яму рыть заставили, а сами
Они стояли, кучка дикарей,
И хриплыми смеялись голосами.
У края бездны выстроили в ряд
Бессильных женщин, худеньких ребят.
Пришел хмельной майор и медными глазами
Окинул обреченных.. Мутный дождь
Гудел в листве соседних рощ
И на полях, одетых мглою,

И тучи опустились над землею,
Друг друга с бешенством гоня.. .
Нет, этого я не забуду дня,
Я не забуду никогда, вовеки!
Я видел: плакали, как дети, реки,
И в ярости рыдала мать-земля.
Своими видел я глазами,
Как солнце скорбное, омытое слезами,
Сквозь тучу вышло на поля,
В последний раз детей поцеловало,
В последний раз.. .
Шумел осенний лес. Казалось, что сейчас
Он обезумел. Гневно бушевала
Его листва. Сгущалась мгла вокруг.
Я слышал: мощный дуб свалился вдруг,
Он падал, издавая вздох тяжелый.
Детей внезапно охватил испуг,
Прижались к матерям, цепляясь за подола.
И выстрела раздался резкий звук,
Прервав проклятье,
Что вырвалось у женщины одной.

Ребенок, мальчуган больной,
Головку спрятал в складках платья
Еще не старой женщины. Она
Смотрела, ужаса полна.
Как не лишиться ей рассудка!
Все понял, понял все малютка.
- Спрячь, мамочка, меня! Не надо умирать!
Он плачет и, как лист, сдержать не может дрожи.
Дитя, что ей всего дороже,
Нагнувшись, подняла двумя руками мать,
Прижала к сердцу, против дула прямо.. .
- Я, мама, жить хочу. Не надо, мама!
Пусти меня, пусти! Чего ты ждешь?
И хочет вырваться из рук ребенок,
И страшен плач, и голос тонок,
И в сердце он вонзается, как нож.
- Не бойся, мальчик мой. Сейчас вздохнешь ты вольно.
Закрой глаза, но голову не прячь,
Чтобы тебя живым не закопал палач.

Терпи, сынок, терпи. Сейчас не будет больно.
И он закрыл глаза. И заалела кровь,
По шее лентой красной извиваясь.
Две жизни наземь падают, сливаясь,
Две жизни и одна любовь!
Гром грянул. Ветер свистнул в тучах.
Заплакала земля в тоске глухой,
О, сколько слез, горячих и горючих!
Земля моя, скажи мне, что с тобой?
Ты часто горе видела людское,
Ты миллионы лет цвела для нас,
Но испытала ль ты хотя бы раз
Такой позор и варварство такое?
Страна моя, враги тебе грозят,
Но выше подними великой правды знамя,
Омой его земли кровавыми слезами,
И пусть его лучи пронзят,
Пусть уничтожат беспощадно
Тех варваров, тех дикарей,
Что кровь детей глотают жадно,
Кровь наших матерей. (1943)

Михаил Исаковский

"ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ..."

Враги сожгли родную хату
Сгубили всю его семью
Куда ж теперь идти солдату
Кому нести печаль свою
Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок
Стоит солдат и словно комья
Застряли в горле у него
Сказал солдат
Встречай Прасковья
Героя мужа своего
Готовь для гостя угощенье

Накрой в избе широкий стол
Свой день свой праздник возвращения
К тебе я праздновать пришел
Никто солдату не ответил
Никто его не повстречал
И только теплый летний вечер
Траву могильную качал
Вздыхнул солдат ремень поправил
Раскрыл мешок походный свой
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой
Не осуждай меня Прасковья
Что я пришел к тебе такой
Хотел я выпить за здоровье
А должен пить за упокой
Сойдутся вновь друзья подружки
Но не сойтись вовеки нам
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам
Он пил солдат слуга народа
И с болью в сердце говорил
Я шел к тебе четыре года
Я три державы покорил
Хмелел солдат слеза катилась
Слезка несбывшихся надежд
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт
Медаль за город Будапешт

Эдуард Асадов

Чулочки

Их расстреляли на рассвете,
Когда вокруг белела мгла.
Там были женщины и дети
И эта девочка была.

Сперва велели всем раздеться,
Потом ко рву всем стать спиной,

Но вдруг раздался голос детский.
Наивный, тихий и живой:

«Чулочки тоже снять мне дядя?» -
Не упрекая, не грозя
Смотрели, словно в душу глядя
Трехлетней девочки глаза.

«Чулочки тоже!»
Но смятением на миг ээсовец объят.
Рука сама собой в мгновенье
Вдруг опускает автомат.

Он словно скован взглядом синим,
Проснулась в ужасе душа.
Нет! Он застрелить ее не может,
Но дал он очередь спеша.

Упала девочка в чулочках.
Снять не успела, не смогла.
Солдат, солдат! Что если б дочка
Твоя вот так же здесь легла?

И это маленькое сердце
Пробито пулею твоей!
Ты – Человек, не просто немец!
Но ты ведь зверь среди людей!

... Шагал ээсовец угрюмо
К заре, не поднимая глаз.
Впервые может эта дума
В мозгу отравленном зажглась.

И всюду взгляд светился синий,
И всюду слышалось опять
И не забудется поныне:
«Чулочки, дядя, тоже снять?»

Константин Симонов

" Убей его!" («Если дорог тебе твой дом...»)

Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был,
Под бревенчатым потолком,
Где ты, в люльке качаясь, плыл;
Если дороги в доме том
Тебе стены, печь и углы,
Дедом, прадедом и отцом
В нем исхоженные полы;

Если мил тебе бедный сад
С майским цветом, с жужжаньем пчел
И под липой сто лет назад
В землю вкопанный дедом стол;
Если ты не хочешь, чтоб пол
В твоём доме немец топтал,
Чтоб он сел за дедовский стол
И деревья в саду сломал...

Если мать тебе дорога —
Тебя выкормившая грудь,
Где давно уже нет молока,
Только можно щекой прильнуть;
Если вынести нету сил,
Чтоб немец, к ней постоем став,
По щекам морщинистым бил,
Косы на руку намотав;
Чтобы те же руки ее,
Что несли тебя в колыбель,
Мыли гаду его белье
И стелили ему постель...

Если ты отца не забыл,
Что качал тебя на руках,
Что хорошим солдатом был
И пропал в карпатских снегах,
Что погиб за Волгу, за Дон,
За отчизны твоей судьбу;
Если ты не хочешь, чтоб он

Перевертывался в гробу,
Чтоб солдатский портрет в крестах
Снял фашист и на пол сорвал
И у матери на глазах
На лицо ему наступал...

Если жаль тебе, чтоб старик,
Старый школьный учитель твой,
Перед школой в петле поник
Гордой старческой головой,
Чтоб за все, что он воспитал
И в друзьях твоих и в тебе,
Немец руки ему сломал
И повесил бы на столбе.

Если ты не хочешь отдать
Ту, с которой вдвоем ходил,
Ту, что долго поцеловать
Ты не смел,— так ее любил,—
Чтоб фашисты ее живьем
Взяли силой, зажав в углу,
И распяли ее втроем,
Обнаженную, на полу;
Чтоб досталось трем этим псам
В стонах, в ненависти, в крови
Все, что свято берег ты сам
Всею силой мужской любви...

Если ты не хочешь отдать
Немцу с черным его ружьем
Дом, где жил ты, жену и мать,
Все, что родиной мы зовем,—
Знай: никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь;
Знай: никто его не убьет,
Если ты его не убьешь.

И пока его не убил,
Ты молчи о своей любви,
Край, где рос ты, и дом, где жил,
Своей родиной не зови.

Если немца убил твой брат,
Пусть немца убил сосед,—
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправданья нет.
За чужой спиной не сидят,
Из чужой винтовки не мстят.
Если немца убил твой брат,—
Это он, а не ты солдат.

Так убей же немца, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме, чтобы стон,
А в его по мертвым стоял.
Так хотел он, его вина,—
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его пусть будет вдовой.
Пусть исплачется не твоя,
А его родившая мать,
Не твоя, а его семья
Понапрасну пусть будет ждать.

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

Константин Симонов

"Горят города по пути этих полчищ..."

Горят города по пути этих полчищ.
Разрушены села, потоптана рожь.
И всюду, поспешно и жадно, по-волчьи,
Творят эти люди разбой и грабёж.

Но разве ж то люди? Никто не поверит

При встрече с одетым в мундиры зверьём.
Они и едят не как люди — как звери,
Глодают парную свинину сырьём.

У них и повадки совсем не людские,
Скажите, способен ли кто из людей
Пытать старика на верёвке таская,
Насиловать мать на глазах у детей?

Закапывать жителей мирных живыми,
За то что обличьем с тобой не одно.
Нет! Врёте! Чужое присвоили имя!
Людьми вас никто не считает давно.

Вы чтите войну, и на поприще этом
Такими вас знаем, какие вы есть:
Пристреливать раненых, жечь лазареты,
Да школы бомбить ваших воинов честь?

Узнали мы вас за короткие сроки,
И поняли, что вас на битву ведёт.
Холодных, довольных, тупых и жестоких,
Но смирных и жалких как время придёт.

И ты, что стоишь без ремня предо мною,
Ладонью себя ударяющий в грудь,
Сующий мне карточку сына с женою,
Ты думаешь я тебе верю? Ничуть!!!

Мне видятся женщин с ребятами лица,
Когда вы стреляли на площади в них.
Их кровь на оборванных наспех петлицах,
На потных холодных ладонях твоих.

Покуда ты с теми, кто небо и землю
Хотят у нас взять, свободу и честь,
Покуда ты с ними — ты враг,
И да здравствует кара и месть.

Ты, серый от пепла сожжённых селений,
Над жизнью навесивший тень своих крыл.

Ты думал, что мы поползём на коленях?
Не ужас, — ярость ты в нас пробудил.

Мы будем вас бить все сильнее час от часа:
Штыком и снарядом, ножом и дубьём.
Мы будем вас бить, глушить вас фугасом,
Мы рот вам советской землёю забьём!

И пускай до последнего часа расплаты,
Дня торжества, недалекого дня,
Мне не дожить как и многим ребятам,
Которые были не хуже меня.

Я долг свой всегда по-солдатски приемлю
И если уж смерть выбирать нам друзья,
То лучше чем смерть за родимую землю
И выбрать нельзя...

Ольга Киевская

Баллада о матери

Сорок первый – год потерь и страха
Заревом кровавым пламенел...
Двух парней в растерзанных рубахах
Выводили утром на расстрел.

Первым шёл постарше, тёмно-русый,
Всё при нём: и силушка, и стать,
А за ним второй – пацан безусый,
Слишком юный, чтобы умирать.

Ну, а сзади, еле попевая,
Семеняла старенькая мать,
О пощаде немца умоляя.
«Найн, - твердил он важно, - растреляйт!»

«Нет! – она просила, - пожалейте,
Отмените казнь моих детей,
А взамен меня, меня убейте,
Но в живых оставьте сыновей!»

И ответил офицер ей чинно:
«Ладно, matka, одного спасайт.
А другого расстреляем сына.
Кто тебе милее? Выбирайт!»

Как в смертельной этой круговерти
Ей сберечь кого–нибудь суметь?
Если первенца спасёт от смерти,
То последыш – обречён на смерть.

Зарыдала мать, запричитала,
Вглядываясь в лица сыновей,
Будто бы и вправду выбирала,
Кто роднее, кто дороже ей?

Взгляд туда-сюда переводила...
О, не пожелаешь и врагу
Мук таких! Сынов перекрестила.
И призналась фрицу: «Не могу!»

Ну, а тот стоял, непробиваем,
С наслажденьем нюхая цветы:
«Помни, одного – мы убиваем,
А другого – убиваешь ты».

Старший, виновато улыбаясь,
Младшего к груди своей прижал:
«Брат, спасайся, ну, а я останусь, -
Я пожил, а ты не начинал».

Отозвался младший: «Нет, братишка,
Ты спасайся. Что тут выбирать?
У тебя – жена и ребятишки.
Я не жил, - не стоит начинать».

Тут учтиво немец молвил: «Битте, -
Отодвинул плачущую мать,
Отошёл подальше деловито
И махнул перчаткой, - расстреляйт!"

Ахнули два выстрела, и птицы
Разлетелись дробно в небеса.
Мать разжала мокрые ресницы,
На детей глядит во все глаза.

А они, обнявшись, как и прежде,

Спят свинцовым беспробудным сном, -
Две кровинки, две её надежды,
Два крыла, пошедшие на слом.

Мать безмолвно сердцем каменеет:
Уж не жить сыночкам, не цвести...
«Дура–матка, – поучает немец, -
Одного могла бы хоть спасти».

А она, баюкая их тихо,
Вытирала с губ сыновних кровь...
Вот такой, – убийственно великой, -
Может быть у Матери любовь.

Алексей Шамарин

НИКТО НЕ ЗАБЫТ

«Никто не забыт и ничто не забыто» -
Горящая надпись на глыбе гранита.
Поблекшими листьями ветер играет
И снегом холодным венки засыпает.
Но, словно огонь, у подножья – гвоздика.
Никто не забыт и ничто не забыто.

